

Ваграм Папазян

Замечательному тра- Б 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ного художника, как гику советской ар- чудесного мастера

мянской сцены, народному артисту СССР Ваграму Папазяну семьдесят лет! С великолепным спокойствием и неизменно улыбаясь жизни и человеку, несет он на сердце своем нелегкий груз этих лет. Семьдесят, из коих пятьдесят полностью и безраздельно отдано родному театру, на сцене которого он создал ряд неповторимых в своем совершенстве, немеркнущих художественных образов. Кто хоть раз видел его в образе несчастнейшего Отелло в минуты вулканического взрыва его ревности, или Гамлета в часы его горестных раздумий над судьбами «свихнувшегося» мира, или в образе обезумевшего Лира, когда перед ним впервые разверзлась бездна темной души человеческой, или в сокрушенном облике Уриеля Акосты, принужденного склонить свою гордую голову перед злой волей фанатиков, — кто хоть раз видел его в этих столь разных обликах, в самые трагические минуты их жизни, тот никогда уже не вычеркнет из памяти, сердца созданные им сценические образы.

Но величие Ваграма Папазяна не только в несравненном мастерстве в создании трагических образов, блестящий ряд которых отнюдь не исчерпывается упомянутыми именами: здесь и глубоко страдающий от пресыщения маскардом жизни и беспощадный в своей любви и мести Арбенин, и замученный судьбою Коррадо, и еще многие другие, которых зритель наших дней не видел в его изумительном исполнении.

Величие его как большого, многогран-

ного художника, как чудесного мастера сцены еще и в том, что он с такой же силой выразительности, с такой же проникновенностью и совершенным мастерством покоряет очарованных зрителей и в комедийных ролях. Хочется упомянуть хотя бы только одну — роль мольеровского Ден Жуана, в которой с исключительной непосредственностью проявляется внутренняя грация и тонкое изящество манер артиста. Они соединены с такой непринужденностью исполнения, что в сознании счастливого удивленного зрителя не один раз встает вопрос: а не является ли классическая комедия подлинной творческой стихией Ваграма Папазяна?

Папазян, без сомнения, один из самых выдающихся актеров нашего времени, дарование богатое и щедрое и, очень хочется сказать, — ликующее дарование. Мировая театральная сцена знает много блестящих актеров, сценические создания которых живут в благодарной памяти людей как изумительные, неповторимые творения, как некие непревзойденные совершенства. Однако талант многих из этих мастеров обладает свойством подавлять творческую индивидуальность своих партнеров. Стоит только им появиться на сцене, произнести свои первые слова, как тотчас же исполнители всех остальных ролей как бы перестают существовать, их словно бы уже нет на сцене, где безраздельно властвует лишь один гигант.

Благородное дарование Ваграма Папазяна совершенно иного характера: оно не

принижает, не обесценивает творческие усилия своих партнеров, не подавляет их значительностью и блеском своего сверкающего таланта, — оно, наоборот, поднимает их, бодрит, вдохновляет и окрыляет их веру в свои силы.

Исполнительское мастерство Папазяна столь ярко и в то же время оно кажется столь нетрудным, доступным каждому актеру (ибо Папазян играет так легко, с такой естественной непринужденностью), что никогда не чувствуешь за ним огромной работы актера. И кажется поэтому, что поднять такую тяжесть творческой задачи по силам каждому, и это придает его партнерам какую-то новую уверенность

в своих силах. И актеры дерзают, вдохновленные великим шефом своим, — и вместе с ним и рядом с ним достигают большего, чем могли бы достичь в иных условиях и обстоятельствах.

Каждая счастливо найденная деталь в сценической трактовке образа у Ваграма Папазяна кажется зрителю и единственно возможной и единственно верной, всего раскрывающей душевное состояние героя в тот или иной момент его жизни. Это происходит потому, что всякая такая психологическая деталь у Папазяна-художника со всей логической убедительностью вытекает из существа образа, а не придумана им ради сценической эффектности.

Когда Отелло после убийства невинной Дездемоны сразу становится и меньше ростом, и старше, словно подорвались все его внутренние устои и безвозвратно рухнул этот гармонический человек, когда перед нами оказываются уже одни лишь руины некогда цельной личности, когда он неверными шагами, едва волоча внешне ослабевшие ноги, подходит к свече, на колеблющемся пламени которой так тщетно пытается согреть свои похолодевшие пальцы, — мы смотрим на эту немую сцену потрясающего крушения человека — и кажется нам, что уже никто и никогда не сумеет лучше и вернее, глубже и трагичнее выразить ужас душевного состояния несчастного мавра, что это предел проникновения в образ и что в этой мизансцене найдено и воплощено все с исчерпывающей силой и полнотой.

И все же Папазян не был бы тем вдохновленным Папазяном-художником, которого десятки раз можешь посмотреть в одной и той же роли и не уставать никогда, если бы он мог успокоиться и остановиться на однажды счастливо найденном. Он

всегда находит еще какой-то новый жест, новый штрих для нам знакомого и им же созданного сценического образа. Большой художник всегда полон неустанных творческих исканий. Может быть, то новое, что он вносит в исполнение знакомого образа не всегда и не безоговорочно лучше и выразительнее им же найденного и отвергнутого старого. Неизмеримо важнее то, что это свидетельствует о живой, ни на миг не прерывающейся деятельности творческой мысли художника, о его страстном стремлении проникнуть в самое «тайное тайных» души образа, внутреннего мира своего героя, так познать и почувствовать его, чтобы стать им, не переставая в то же время оставаться Ваграмом Папазяном.

Какое счастье быть таким художником, мастером такого необъятного масштаба и сохранить этот редчайший дар и в свои несправедливо наступившие семьдесят лет! Как это замечательно — уметь и в эти годы потрясать зрительный зал величавой мощью своих человеческих страстей, заставлять тысячи людей переживать одновременно одно и то же, исторгая слезы глубокой признательности и очищая их сердца зрелищем величия Человека и благородства его помыслов и дерзаний.

И хочется сказать большому артисту и тонкому знатоку человеческого сердца самые горячие, самые чистые слова благодарности за его беззаветное служение искусству и народу, за его нелегкий полувековой труд, так щедро дарованный людям, и от всей души пожелать ему, несравненному мастеру Ваграму Папазяну, еще долгих лет творческой жизни.

Тигран АХУМЯН,
заслуженный деятель искусств.

«КОМУНИСТ»
г. Ереван

25 ОКТ 1959